

УДК 316

В. М. ЩЕРБИНА

ИДЕЯ ДЕМОКРАТИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ МНОГОУКЛАДНОГО ОБЩЕСТВА УКРАИНЫ

В статье рассматривается проблема социально-исторических факторов трансформации восприятия, понимания и концептуализации идеи демократии в украинском обществе. Среди факторов выделяется совокупность культурно-исторических представлений об истории украинского общества, присутствующих в массовом сознании и влияющих на характер концептуализации идеи демократии. Анализируются представления о демократии как автохтонной черте украинского народа с древних времён, представление о демократии как составляющей формирования государственности в XX в., представление о демократии как составляющей социально-политических трансформаций периода перехода к независимости. Сделан вывод о том, что на тот период идея демократии выполняла ряд социальных функций: была образом будущего, инструментом социального воображения, основой общественного консенсуса и доминирующей идеей разнородных социальных субъектов. Украинское общество изменилось: в условиях демократического транзита сформировалось новое поколение социальных акторов, которое по-новому воспринимает идею демократии. В мировоззренческих горизонтах различных социальных укладов идея демократии воспринимается массовым сознанием различным образом. Это предусматривает необходимость формирования нового социального механизма для достижения общественного согласия относительно её необходимости в общественных практиках. Идея демократии в условиях смены поколений обретает новое прочтение: возникают как её новые приверженцы, так и её новые противники. Делается о том, что исторические трансформации последнего периода предусматривают новое прочтение идеи демократии в соответствии с необходимостью организации широкого общественного диалога в условиях изменившегося украинского общества.

Ключевые слова: *идея демократии, общество, трансформация общественных представлений, трансформация общества, культурные уклады, демократический транзит.*

Украину уже более четверти века понимают и описывают как страну, находящуюся в состоянии демократического транзита. При этом достаточно мало внимания уделяется тому, **в каком конкретном виде идея демократии присутствует в украинском обществе, как именно она воспринимается жителями страны и, тем более, какие изменения в этом восприятии происходят со временем. Да и происходят ли?** Вот характерное рассуждение о демократии образца 2017 г.: «Общественный запрос на «сильную руку» никуда не пропадает. Полстраны считает, что «несколько сильных лидеров могут сделать для страны больше, чем все законы и дискуссии». Многие не против, если такие сильные лидеры будут нарушать эти законы. Менее чем для половины граждан какую-то практическую ценность имеет свобода слова. Еще меньше дорожат правом свободного передвижения и выбора места жительства. Только один из трех ценит воз-

возможность голосовать на выборах по своему усмотрению. И только один из четырех считает важной свободу предпринимательства. ... Кстати, по мнению большинства украинцев, частная собственность (условие демократии – обязательное признание и гарантированность права частной собственности, так как только в этом случае возможно реальное обеспечение всех прав и свобод человека) не является чем-то личным и неприкосновенным. Двое из трех считают ненормальным явление, когда одни люди зарабатывают больше других. Тогда, спрашивается, что мы строили все эти годы?!» [6]. Вот оценка демократического процесса от 4 апреля 2017 г., сделанная в докладе «Страны переходного периода 2017 – Ложное обещание популизма», подготовленного неправительственной американской организацией Freedom House: «Рейтинг развития гражданского общества (в Украине. – Автор) ухудшился с 2,25 до 2,50 баллов; рейтинг демократичности управления на уровне органов местного самоуправления улучшился с 5,25 до 5,00 баллов; рейтинг эффективности и независимости судебной системы улучшился с 6,00 до 5,75 баллов; рейтинг уровня коррупции улучшился с 6,00 до 5,75 баллов. Как следствие, рейтинг развития демократии ухудшился с 4,68 до 4,61 баллов» [12]. Вот оценка с позиции УПЦ КП: «Украинская демократия напоминает карго-культ, поскольку мы копируем те институты, которые работают в демократических странах, но без перенимания сути самих институтов. Мы перенимаем только форму демократии», – утверждает секретарь Священного Синода УПЦ КП. [4]. Можно привести также цитату из странички в Фейсбуке чиновника высшего уровня, министра внутренних дел Украины А. Авакова, который в середине 2017 г. признается, что сам не понимает, в какой стране живет: «Живем в стране победившей криминальной демократии? Ошибся – в стране победивших активистов?.. То, что раньше принято было называть преступлением и хулиганством – теперь называют акцией. А преступников – активистами» [9].

Подобные оценки можно приводить и дальше – вопрос в том, как к ним относиться. Считать ли это «болезнью роста», «неквалифицированным мнением», «злонамеренной пропагандой», «желтой журналистикой»? Реализована ли в Украине идея демократии и в каком виде эта идея присутствует в обществе?

Для выхода из системного кризиса обществу нужна эффективная демократия в качестве средства, но в общественном сознании доминирует прочтение идеи демократии как самобытной ценности. Исторически сложившаяся форма интерпретации идеи демократии не отменяет того факта, что системы, не имеющие эффективной обратной связи, обречены на стагнацию и характеризуются крайней неустойчивостью. Возникла **научная проблема**, сущность которой состоит в отсутствии знания о том, как в общественном сознании менялась концептуализация идеи демократии в процессе общественных трансформаций последнего исторического периода.

Все это делает необходимым исследование динамики процессов восприятия идеи демократии в украинском обществе на уровне концептуализации этой идеи в общественном сознании.

Для того, чтобы рационально понять историческое событие – как актуальное, так и принадлежащее прошлому, нужна система познавательных координат, в которой его возможно рассмотреть с тем, чтобы раскрыть существенные (т. е. делающие его необходимым) черты. К числу этих координат можно отнести, во-первых, накопившиеся общественные противоречия. Во-вторых, историческую ситуацию, в которой эти противоречия разрешаются. И, в-третьих, систему интересов действующих социальных субъектов (партий, организаций, личностей) – от объективных, связанных с их местом в этой ситуации, до субъективных, связанных с их культурой (нормами и ценностями, отражаемыми в идеологиях и верованиях). С тем, чтобы адекватно и во всех значимых взаимосвязях понимать какое-либо явление, тенденцию или событие, чтобы его анализ не был изолированным, его надо увидеть в более общих по отношению к нему процессах, в более общем контексте. В случае с идеей демократии это контекст исторических трансформаций нашего общества, поскольку в нём **идея демократии уже более четверти века играет роль одного из центральных идеологических конструкторов**, за это время с исторической арены ушло целое политическое поколение и сформировалось новое. Идея демократии выполняет функцию в формировании социальных связей – концептуально задает те рамки, в которых происходит оценивание общественных процессов и явлений и на основе которых вырабатываются инструменты влияния на них. Однако, стремясь различить то, что люди думают о себе, и то, как они ведут себя в действительности, не так уж сложно заметить, что идея демократии в нашем обществе обладает множеством описаний, которые зачастую очень противоречивы как между собой, так и в отношении собственной последовательности.

Менее всего в данном тексте я хотел бы продемонстрировать знание различных концепций демократии и способность применять их в научном дискурсе – на эту тему создана достаточно обширная социально-философская и политологическая литература. В дискурсивном пространстве, возникшем в течение предыдущего исторического периода вокруг идеи демократии в нашей стране, сложилась своеобразная ситуация. Картина процесса демократизации общества состоит из множества накопленных результатов изучения и описания различных аспектов общественной жизни, выполненных по заказу (меркантильному и/или социально-мировоззренческому), который был ориентирован исключительно на раскрытие демократического потенциала самого общества. При этом различные концепции демократии в процессе описания общественных трансформаций естественно экстраполируются на общественные процессы, в результате чего складывается общая картина, где все перемены общественной жизни видятся как в той или

иной степени демократические. При этом общественные потенциалы и процессы иного рода остаются вне рамки видения: они либо игнорируются вовсе (как случайности, не обладающие статусом общественного свойства), либо рассматриваются вне свойственного им качества – как исходный материал для демократического транзита, как некая изжившая себя и не обладающая исторической перспективой общественная реалья. Политическое доминирование в практиках социальной саморефлексии ценностной установки на демократизацию общества сужает спектр и полноту восприятия общественных процессов. Это не позволяет видеть той составляющей общественной жизни, которая не соответствует применяемому понятийно-категориальному инструментарию, опирающемуся на концепт происходящих трансформаций как «демократического транзита».

В такой ситуации мы безмятежно забываем, что точно так же было в своё время и с идеей коммунизма: его успешно строили всем обществом от мала до велика, после чего так же успешно, тотально и быстро от него отказались. Тогдашние обществоведы проигнорировали, что в недрах общества возник потенциал восстановления частной собственности, и слова о коммунизме растаяли, как дым.

Рассматривая то, каким образом идея демократии присутствует в современном украинском обществе и каковы её дальнейшие перспективы, вероятно, стоит принять во внимание, что это лишь одна из социальных идей, живущих в нашем обществе. Идеи тоталитарного правления от имени класса или этнической группы также присутствуют в ретроспективе исторического самосознания народа Украины. Присутствуют и теологические идеи общественной организации – от христианских до архаических. Демократизация – лишь один вектор общественных трансформаций актуального исторического периода, наряду с которым имеются и иные, называть ли их антидемократическими – вопрос отдельный. Идея демократии во второй половине 1980-х гг. стала фундаментальным основанием восприятия и оценки происходящих в обществе событий и процессов. Подчеркнём, что на момент завершения дискуссий в обществе относительно вариантов дальнейшего развития (конец 1980-х гг.) и перехода к тому, что было названо «демократическим транзитом», вся эта палитра понимания идеи демократии в украинском обществе была представлена субъектами в виде отдельных личностей, общественных групп и организаций. Спецификой того периода видения идеи демократии было также и то, что перспектива общественных изменений виделась в парадигме деидеологизации что предполагало понимание идеи демократии как неидеологического конструкта, представлявшего взгляд на «общество вообще».

Идея демократии в контексте исторической ретроспекции украинского общества

Можно выделить ряд ретроспективных проекций восприятия идеи демократии, в оптике которых формируются характер и перспектива её видения сегодня в нашей стране.

Первая из них – «автохтонная» – связана с историческим ретроспективным самосознанием украинства как социокультурного феномена. Во времена Киевской Руси действовали механизмы общинной демократии, на Запорожской Сечи применялась система прямого правления, при которой вся казацкая община в совокупности ее представителей была неким коллективным Законодателем. Наряду с равенством, историки и философы также отмечают наличие у запорожских казаков других элементов демократии. Среди них – гражданская дисциплина, свободное волеизъявление мнений, представление голоса в общественном собрании, соблюдение принципа институционального первенства запорожской казацкой общины по сравнению с высшими властными институтами и тому подобное. Существует устойчивое представление, что «казацкое право» времен Запорожской Сечи представляло собой «не столько механическую сумму обязательных норм, сколько вариативную и гибкую модель правового поведения и мышления, соотносимого с нормами Морали и Веры, а потому не могло быть механически втиснуто в рамки традиционного законодательного свода раннемодерного общества» [7]. В этом контексте демократия воспринимается как автохтонная черта украинской нации – некий порядок отношений, изначально присущий Украине и украинцам.

В конце 1980-х гг. на фоне охватившего страну идеологического и социально-политического кризиса идея демократии входила в жизнь нашего общества в новом прочтении, связанном все же с прежним опытом общественной жизни – еще живы были представители поколения революции 1917 г., выступавшие живыми свидетелями предыдущего гражданского конфликта. **Вторая** проекция сформировалась в этом контексте и связывает идею демократии с событиями начала XX в., когда в процессе распада Российской и Австро-Венгерской империй образовалось первое современное государство Украина – СССР, а носители других политических проектов были дезавуированы в официальном дискурсе исторической памяти. В этом смысле идея демократии имеет два прочтения. Для побежденных в гражданском конфликте начала XX в. она связана с «утраченной Украиной», а для победителей – с СССР как примером демократического обустройства народной жизни.

Основой **третьей** внутренней проекции исторической ретроспективы идеи демократии у нас было то, что действующими политиками и идеологами «перестройки» были «шестидесятники» – представители поколения послевоенной «хрущевской оттепели». Они были ориентированы на демократию как проект улучшения советского общества. В этом смысле идея

демократии прочитывается как улучшение социально-правовой государственности, «социализм с человеческим лицом» либо идея «хорошего либерального капитализма». «Социализм, как прогрессивное учение, восторжествует сквозь все преграды, выставленные сегодня его лживыми ревнителями. Тот социализм, где человек думает, мыслит и свободно выражает свои мысли. Тот социализм, который держится на унаследованной от веков этике свободных раскрепощенных людей с ясными лицами, а не искажёнными конвульсиями страха», – писал об этом яркий представитель «поколения шестидесятников», погибший в тюрьме, украинский поэт Василь Стус [2].

Советская номенклатурная бюрократия в конце 1980-х гг. как особая социальная группа обладала многими атрибутами частного собственника, существовала специфическая конкуренция внутри элит по отраслевому и региональному признакам. Сформировался и действовал специфический теневой рынок административных услуг, приносивший доходы в виде коррупции представителей власти. Наряду с этим в условиях дефицита товаров народного потребления сложился потребительский рынок, на котором действовало предпринимательство внутри официальной системы производства и распределения товаров, представленное так называемыми «цеховиками». Последние были тесно связаны с миром криминала. На этой основе в недрах социалистической экономики возникли значительные «теневые» капиталы полулегального и криминального происхождения. Этот новый исторически возникший к концу 70-х гг. XX в. социальный субъект выступил двигателем социально-политических трансформаций общества. В рамках этого видения сформировался концепт возрождения частной собственности как основы демократии. Немалую роль в легитимации воспроизводства частной собственности сыграл также концептуальный кризис коммунистических идеологов, имевший множество причин – от личностного фактора до институционального и исторического.

Четвертый компонент формировался и транслировался в массовое сознание украинской диаспорой, в результате нескольких переселенческих волн заброшенной в страны, которые стали восприниматься в условиях идеологического тупика советской идеологии образцовыми демократиями. В составе этих групп было множество представителей контрэлит, вытесненных с территории Украины и воспроизводивших себя в условиях противостояния систем, «холодной войны». Это ретроспективное видение демократии восходило к её трактовке как иного государственного проекта для Украины. Проект этот виделся абсолютной альтернативой социализму, а также восходил к идее исторического реванша и создания утраченного шанса государственности на этнических началах. Более того, этот компонент выходил за рамки национальной повестки, восходя к идее манихейского толка – противостояния демократии и деспотизма, «мирового добра» и «мирового зла», «демократического Запада» и «деспотического Востока». Существенно также, что демократизация общества с точки зрения неко-

торых сторонников национал-этнократического направления трансформации Украины была лишь идеологической ширмой, военно-политической хитростью в борьбе за исторический реванш других идеологических проектов.

Несмотря на содержательное многообразие, в целом идея демократии на рубеже перехода к независимой государственности в Украине стала субъективной основой нового общественного консенсуса. Она устраивала всех, поскольку понималась как обобщающая идея необходимости новой политической практики, отрицания недостатков прежнего социального порядка с целью реализации идеалов гуманизма. Демократизация виделась активной частью общества как средство получения свободы от бюрократии и партийных чиновников, как новая практика жизни, основанная на принципах свободы от идеологии, реализации возможностей прямого участия любого человека в установлении правил, по которым живёт его сообщество. Представители групп, обладающих различного рода властными ресурсами, видели в идее демократии приемлемый идеологический инструмент для своего воспроизводства в новых исторических условиях.

Идея демократии стала инструментом социального воображения масс, образом утопии, к которой следовало стремиться, отбросив предыдущие утопические представления, ставшие на то время формальностью. В этом контексте можно согласиться с точкой зрения, что демократию следует рассматривать с универсалистских позиций, понимая её как один из механизмов, «с помощью которого люди во всем мире выступали за изменения и улучшения на протяжении последних нескольких сотен лет» [5]. Украина не была исключением, поэтому идея демократии воспринималась в нашем обществе как органическая часть собственной истории, а движение к ней – как движение к себе как части международного сообщества. Целесообразно рассматривать идею демократии как такую, которая была присуща народу Украины и в советский период, когда сформировались современные поколения, определяющие социально-политические процессы в стране.

Идея демократии привлекала возникшим массовым ощущением её недостаточности, это формировало мотивы к политическому участию. Таких мотивов в нашем обществе к началу периода «демократического транзита» было хоть отбавляй. **Но отдельный вопрос: а возникли на этой основе демократические убеждения, рациональное и осознанное стремление к демократии как особой ценности?** Через четверть века «демократического транзита» странным выглядит то, как в стране постепенно складывается консенсус относительно того, что демократические процедуры если не мешают движению в направлении желательных изменений, то значительно усложняют его. Ведущими концептами в политической риторике сегодня выступают «война», «борьба с коррупцией» и «реформы». При этом периодически слышатся голоса о необходимости лишить избирательных прав целые категории населения – по возрастному, этническому,

поселенческому или конфессиональному признакам. После 25 лет «демократического транзита» сложился формальный парадокс: чем больше демократии, тем её меньше, чем дальше мы идём по пути «демократических реформ», тем сильнее звучат антидемократические голоса. Разумеется, рассматривая формальный парадокс, мы получим такой же формальный вывод, что сделает наше рассуждение бессодержательным. Исторический «парадокс демократизации» заставляет задумываться о том, каково реальное место идеи демократии в нашем обществе и что демократия представляет собой как ценность и реальная практика отношений между людьми.

Одной из базовых предпосылок демократии и одновременно одним из значимых её результатов является общественное доверие. По результатам социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Украины более двадцати лет, граждане страны склонны доверять только самым близким родственникам и знакомым и почти не доверять более или менее формализованным структурам, не говоря уже о государственных учреждениях. О состоянии общественного доверия красноречиво говорит название изданной Институтом социологии НАН Украины книги – «Общество недоверия». В ней показано, что недоверие является функциональным в системе социальных отношений, образующих современную Украину. Сосредоточенность на собственном повседневном мире, окружении своей семьи и близких, разочарование в окружающих, которые могут обмануть, солгать, является фундаментальной преградой к активному участию гражданина в общественной жизни и порождает общую пассивность. Сюда же относятся многолетняя необходимость выживать, примат материальных потребностей над нематериальными. Даже на уровне повседневной жизни (участия в неофициальных горизонтальных структурах, организациях гражданского общества) украинские граждане занимают позицию скорее зрителя, чем участника общественно-политического процесса. Это часто объясняют тем, что, получив независимость благодаря уникальному и «счастливному» стечению обстоятельств, граждане на самом деле не были на должном уровне развития общественного сознания, предшествующего и предопределяющего упрочение демократической модели общества. Не было ни масштабного гражданского движения, в котором участвовало бы физическое большинство общества, ни сознательного принятия новой системы ценностных ориентиров к актуальному изменению статусных взаимодействий в обществе. На фоне образов в медийной сфере важно подчеркнуть фиксируемое социологическими исследованиями отсутствие заметной разницы между готовностью к демократическим правилам и обязанностям общественной жизни молодежи, родившейся и социализировавшейся в независимой Украине, и старшего поколения, прожившего большую часть своей жизни в других общественных условиях. Таким образом, можно говорить о том, что **сложился механизм воспроизводства нынешней формально демократической системы, и об отсутствии**

заметных социетальных изменений на пути к демократизации даже после нескольких десятилетий жизни под этим лозунгом. В результате к постулированным демократическим преобразованиям после Евромайда на 2014 и целого ряда драматических событий оказалась не готовой ни политическая элита, ни большинство украинского общества.

Если в жизненном мире жителей Украины демократия не стала новой основой, то в их представлениях о социальности это произошло. По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, за 25 лет произошло изменение ценностно-смысловых матриц, изменились также основные настроения и оценки базовых критериев развития общества. Демократия стала концептуальным инструментом отношения к обществу в целом. В частности, состоялся переход от старой «социалистической» ценностно-смысловой матрицы к новой, которая предполагает принятие новой, «демократической» модели [13]. Под «социалистическим» здесь имеется в виду социально-политическая модель. При этом ориентация на социалистический тип хозяйствования сохранялся: представления о социальной ориентации государства, социальной ответственности бизнеса в массовом сознании продолжают присутствовать. Как свидетельствуют многолетние данные мониторинга Института социологии НАН Украины, если спрашивают респондентов, насколько они согласны с утверждением, что демократия является лучшим из политических устройств для современного государства, то большинство (69%) в той или иной степени согласны с этим утверждением, и только 11% – нет. Кроме того, почти в тех же пропорциях большинство отвечает, что считает именно демократию основой для устойчивого экономического развития страны. Но при этом подавляющее большинство респондентов заявляют, что недовольны тем, как демократия развивается в Украине. **Иначе говоря, в их представлении демократия означает нечто иное, что сегодня имеет место быть в Украине.** Казалось бы, украинцы после четверти века независимости, наконец демонстрируют устойчивую приверженность демократии и, большинство из них видят залог успеха исключительно в демократическом пути развития.

Более глубокие исследования показывают, что постулируемая большинством общества преданность демократической модели является скорее формальным, а не сущностным признаком. Так, большинство опрошенных из года в год, отвечая на вопрос о том, какую личную ответственность они несут за состояние дел в стране, выбирали вариант «никакую». **Даже после драматических событий на Майдане и после них большинство респондентов так и не стали чувствовать хотя бы частичную личную ответственность за ситуацию в своём государстве.** Даже когда вопрос о чувстве ответственности ставится не в целом по стране, а в конкретном населённом пункте, в котором живет респондент, то и там около половины опрошенных не чувствуют никакой личной ответственности. Полученный в

2015 г. показатель («никакой ответственности» – 47% и «частичная ответственность» – 38%) является лучшим за последние годы и свидетельствует об определённом повышении чувства ответственности среди граждан. **Безответственность украинского общества проявляется и в его политическом поведении, в отсутствии традиции контроля над избираемыми носителями власти.** Местные депутаты, депутаты областных рад зачастую являются выходцами из непосредственного окружения гражданина, и доступ к ним намного легче. И, что важно, именно они принимают большое количество решений, которые непосредственно сказываются на повседневной жизни индивида. Электоральное же поведение таково, что на парламентские и президентские выборы (после эмоциональной накачки через СМИ) приходят порядка 50% избирателей, в то время как на местные выборы традиционно приходят около трети избирателей. По данным большинства опрошенных, **люди придерживаются точки зрения, что они только выбирают власть, а дальше от них уже ничего не зависит.** В обратном уверен только каждый пятый гражданин. При этом абсолютное большинство украинского общества (83%) уверено в том, что контроль над законодательной и исполнительной властью является недостаточным.

Ответы на вопросы о членстве в организациях, объединениях, движениях, партиях молодежи и старшего поколения, как когорт, имеющих опыт жизни в двух типах общества, почти не отличаются. Поэтому надежды на молодежь, которая изменит предыдущее поколение и проявит иную гражданскую сознательность, пока сомнительны. Не имеет возрастной «принадлежности» и патернализм: отвечая на вопрос, согласны ли вы, что несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии, представители молодежи, родившейся и социализировавшейся уже в условиях независимой Украины (до 30 лет), в основном соглашались с этим утверждением – 61%, и только каждый четвертый – нет. Если же сравнить со старшим поколением, которое социализировалось и прожило значительную часть жизни в других условиях, то распределение ответов на этот вопрос мало чем будет отличаться от распределения ответов представителей нового поколения украинских граждан: 66% согласны с этим тезисом, и немногим менее четверти – не согласны. Сюда же можно отнести склонность украинского общества иметь «сильную президентскую руку». Не удивительно, что, рассматривая факторы, препятствующие демократии в Украине, и основные причины того, что украинское общество нельзя считать подлинно демократическим, авторы редакционного материала сайта «Обозреватель», подготовленного к 25-летию независимости Украины, приходят к следующим выводам: «характеризуя украинский социум, к «безответственному» и «патерналистскому обществу» следует также добавить «общество недоверия» и «пассивное общество» [13].

Идея демократии для нескольких поколений в определённый период заместила собой в массовом сознании идею коммунизма как образа «хорошего будущего», и с этим связаны многие особенности как её сегодняшнего понимания, так и отношения к ней. От демократии ожидали того же, что и от коммунизма, и разочарование в ней может носить такой же характер. Когда граждане современной Украины сталкиваются с непреодолимым неравенством, они склонны видеть в этом недостаток демократии.

Эволюция идеи демократии в массовом сознании периода «демократического транзита»

В массовом сознании жителей Украины идея демократии формировалась под определяющим воздействием концепций общественной жизни, которые продуцировал политический класс. Эволюция идеи демократии происходила также в контексте эволюции самого политического класса, отражает и выражает его меняющуюся структуру, состав и специфику интересов. В этом отношении можно выделить несколько периодов, на протяжении которых идея демократии была представлена различными концептуальными видениями в отношении интересов правящих групп.

Первый период – конец 80-х – середина 90-х гг. XX в. Это период кризиса СССР, начала формальной независимости в рамках прежних социальных институтов, закончившийся переходом к строительству нового государства. Идея демократии тогда интерпретировалась в двух основных видах. Во-первых, она представлялась в качестве нового образа будущего, заменявшего коммунизм, к которому следовало стремиться, прилагая усилия и принося жертвы. Во-вторых, демократия представлялась как инструмент совершенствования имеющегося общества. Представления такого рода состояли в том, что если получить независимость от Москвы, развивать многопартийность и плюрализм, это позволит избавиться от идеологизации общественных процессов и задействовать таким образом новые (ранее исключённые по идеологическим мотивам) потенциалы и сделать общественную жизнь более эффективной и динамичной. В начале 1990-х гг., многие были убеждены в безоговорочной правоте Френсиса Фукуямы, который пророчил «Конец истории» в связи с крахом коммунистических режимов и предвиденным им глобальным торжеством либеральной демократии и рыночной экономики. Новая волна демократизации должна была охватить всю постсоветскую Евразию и в краткосрочной перспективе решить проблему цивилизационного расширения Европы. Американский транзитолог С. Хантингтон ввел понятие «волны демократизации» – это «группа переходов от недемократических к демократическим режимам, которые происходят в заданный период времени и значительно превосходит по численности группу переходов в противоположном направлении». К этой волне относится также либерализация или частичная демократизация в тех политических системах, которые не становятся полностью демократическими. Идея демократии того периода неразрывно связывалась с представ-

лением о необходимости развития частной собственности как наиболее эффективной основы экономики страны. На этом этапе идея демократии выступила инструментом легитимации процессов приватизации и возникновения класса новых частных собственников. Новый класс собственников был представлен в подавляющем большинстве людьми, распоряжавшимися ресурсами общественной (а на деле государственной) собственности и нуждался в собственной идеологии. **Идея демократии, наряду с идеей национализма, послужила основой идеологии «демократического транзита», в рамках которой были обозначены цели трансформации общественной жизни в направлении формирования капитализма с либерально-рыночной экономикой.**

Второй период – с середины 1990-х гг. (приход к власти Л. Кучмы) и до середины 2000-х («Оранжевая революция»), на протяжении которого **идея демократии представлялась как фундамент государственного строительства.** «Начало реформы (1995–1999). Первые шаги реальной институциональной реформы основаны при президентстве Л. Кучмы. В июле 1997 г. его указом была создана специальная комиссия по реформированию сферы государственного управления. Комиссией были подготовлены соответствующие проекты нормативных актов. Благодаря этим мероприятиям удалось оптимизировать систему власти. Параллельно шла реформа и в органах регионального и местного управления. После утверждения Конституции Украины в 1996 г. приняли базовый Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине», впоследствии – «Об органах самоорганизации населения» и «Об ассоциациях органов самоуправления». Украина ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления и дополнительный протокол к ней относительно права участия в делах местного органа власти. При этом целью реформы от начала стало формирование дееспособных территориальных общин» [3, с. 213].

«Новые старые элиты» (бывшая республиканская партийно-хозяйственная номенклатура и «теневики») были заняты освоением ресурсов экономического пространства страны: шла приватизация, происходили переделы сфер влияния, освоение старых и поиск новых рынков. Будучи выходцами из командной экономики, они оказались не в состоянии реализовать в рамках демократических процедур задачи экономической модернизации. Стагнирующая экономика, объединение населения и проблемные вопросы распределения собственности, приватизация требовали оперативного реагирования и концентрации полномочий. Потребность в стабилизации политической ситуации, задачи экономической модернизации и национализма в Украине требовали перехода к сильной исполнительной вертикали, усилению роли президента. При отсутствии исторической демократической традиции, низкой политической культуре элит и населения, неразвитости гражданского общества, слабости партийной системы к середине 1990-х гг. в Украине сложилась специфическая политическая

система с преобладающими элементами авторитаризма. Следствиями этого процесса были жесткий административно-налоговый контроль, установление бюрократически-олигархической экономики и неконтролируемая приватизация – всё это интерпретировалось в общественном сознании как издержки периода «демократического транзита», **идея демократии была средством легитимации происходивших трансформаций.**

В обществе возник довольно устойчивый запрос на государственный патернализм, что было обусловлено в первую очередь кризисными явлениями в экономике (безработица, возрастающая инфляция, обесценивание сбережений и т. п.). Пользуясь определением американского транзитолога Т. Карозерса, в Украине в середине 1990-х гг. возник синдром «политики доминантной власти». Т. Карозерс пишет, что «страны с этим синдромом имеют ограниченное, но все же реальное политическое пространство, определенную политическую состязательность между противоположными группами и, по меньшей мере, главные институциональные формы демократии. Тем не менее, одна политическая группа – движение, партия, семья или отдельный лидер – доминирует в этой системе таким образом, что не оставляет практически никаких перспектив смены власти в обозримом будущем... При доминантной власти выборы преимущественно сомнительные, хотя и не целиком фальшивые, так как господствующая группа старается разыграть более или менее приличное избирательное шоу для международного сообщества...» [1].

Реальная «политика доминантной власти» предусматривала не только усиление роли президента, но и сохранение за парламентом широких полномочий, обеспечивающих конкурентную среду для политических элит. Особенностью Украины начала 2000-х гг. был искусственный конфликт между группами интересов. Именно этот конфликт финансово-промышленных групп, сохранение конкуренции между группами давления и отдельными политиками обеспечил Кучме возможность сконцентрировать в одних руках механизмы определения политической повестки дня и контроля над экономическими процессами. Результатом стало появление мощных региональных политико-экономических групп. **При этом возникает новый запрос на видение идеи демократии** – с одной стороны, государство управляется во многом как частное владение правящих групп, а с другой возникает своеобразная модель «политического капитализма», при котором накопление капитала происходит путем получения доступа к политическим и административным ресурсам. В этой системе ведущее место принадлежит новому классу политических предпринимателей, которые достигают экономических целей с помощью «политических инвестиций» в главу государства, в силовые структуры, политические партии, депутатский и чиновничий корпуса. А взамен получают политически обусловленные льготы и привилегии, доступ к бюджету, к государственной собственности, очень часто – иммунитет от закона. Решающая роль в политико-

экономическом процессе принадлежит так называемым клиентарно-патронажным отношениям и связям. Патрон – президент, премьер, мэр и так далее – защищает своих клиентов, а те взамен оказывают ему всевозможные услуги. Экономические и властные ресурсы первого обмениваются на политическую и электоральную лояльность вторых. В этом смысле неопатримониальная система представляет собой сложную пирамиду разнообразных региональных, отраслевых и бизнесовых патронатов, которая объединяется вертикалью президентской власти [11]. **Идея демократии в этот период начинает восприниматься уже в новой повестке, как идея разделения политики и бизнеса, как раз потому, что они становятся единым целым.** Государство в Украине явно отставало от социального запроса общества на участие в управлении страной. Это стало социальной основой т. н. «цветных» революций.

В самом начале этого периода прозвучала сакраментальная фраза Л. Кучмы: «Скажите, какое общество нужно строить, и мы его построим». При этом понимание нового общества было прежним: пытались жить как при СССР (т. е. в правовом, социально ориентированном обществе), одновременно развивая частную собственность. Собственно демократией с этой точки зрения была возможность участия в общественных процессах как новых, так и старых социальных субъектов. Конфликт социальных интересов, вызываемый ростом неравенства, не вписывался в такое видение, поскольку демократия мыслилась как некое примиряющее состояние. У нас до сих пор власть рапортует о «битвах за урожай», не принимая во внимание то, кому этот урожай в конечном итоге принадлежит.

Демократия в этот период понималась как развитие системы разделения властей, что в реальности привело к появлению структур власти, ориентированных на конкретные группы политико-экономического класса, к их «приватизации» и конфликту интересов внутри новой государственной машины. В этот же период демократия понимается как процесс децентрализации, развитие системы местного самоуправления с выраженными интересами различных регионов. Со временем это послужило предпосылкой формирования тенденций к возникновению квазифеодальных анклавов различного вида и размера. Не удивительно, что идеологический раскол страны на «запад» и «восток» приходится как раз на этот период – развитие различных групп собственников требовало легитимации и обеспечения их интересов как общенациональных. Формируемое государство виделось как инструмент внутренней борьбы между различными возникавшими группами, и это в конечном итоге привело к возникновению новых прочтений идеи демократии.

Третий период, начавшийся с Оранжевой революции 2004 г. и длившийся до Революции Достоинства 2014 г., характеризуется тем, что идея демократии стала восприниматься некоторыми политическими субъектами уже как препятствие на пути государственного строитель-

ства, к задачам которого в общественном сознании все больше сводилось все многообразие общественной жизни Украины. Во всех вариантах оппозиции в значительной мере удалось канализировать общественное недовольство и получить ту социальную базу, на которую она справедливо могла рассчитывать. Здесь проявился основной парадокс «цветных» революций: ее организаторы хотели лишь поменять политическую элиту, а участники массовых выступлений хотели радикальной смены всей системы политической власти, часто сами того не подозревая [8].

Мы умышленно уходим от дискуссии вокруг движущих сил Оранжевой революции и роли внешних факторов в обеспечении победы В. Ющенко.

Вот как оценивает этот период один из украинских академиков, советников Президента Украины: «Заговоренная реформа (2005–2009). Административная реформа В. Ющенко, главным образом, свелась к бесплодным дискуссиям. В целом за 5 лет по вопросам админреформы был принят только один закон и принято 4 указа. Новая власть предложила концепцию административно-территориальной реформы. Однако она повлекла такую волну негативных эмоций, что об этой затее пришлось забыть на годы. Стало очевидно: она очень задевает интересы глав областных и местных властных институций и структур. В течение 2005–2009 гг. все оставалось без изменений» [3, с. 218–219].

Вместо перехода к консолидированной демократии и обеспечения необратимости демократического процесса «цветная» революция 2004 г. принесла Украине «дисфункциональную» демократию, двоевластие, политический кризис. Т. Карозерс дал наиболее емкое определение той модели политической системы, которая существовала в Украине в 2006–2010 гг., частично в Молдове (2009–2010 гг.), в Кыргызстане (2010 г.). По его мнению, это была «дисфункциональная» демократия, или режим «беспомощного плюрализма», когда «партии, которые воюют за власть, настолько преисполнены слепой ненависти друг к другу, что все их оппозиционные усилия направляются исключительно на то, чтобы любой ценой не позволить соперникам чего-либо достигнуть»; «политическое соревнование происходит между глубоко враждебными партиями, которые действуют, в сущности, как сети клиенталистского патронажа, без каких-либо попыток к самообновлению»; «власть переходит от одной недолговечной политической группировки к другой, во главе с харизматическим лидером, или ко временным альянсам с невыразительной политической идентичностью» [1]. В рамках такой модели возникли следующие факторы: а) тесная связь правительства с парламентом, особенно с его партийным большинством; б) зависимость правительства и большинства его членов от главы правительства и парламента, чем от президента; в) отсутствие эффективных схем решения конфликта интересов между президентом и правительством, возникновение «двоевластия». В декабре 2004 г. в качестве компромисса

между сторонниками В. Ющенко и В. Януковича, во избежание возможного силового противостояния, политическая элита достигла консенсуса в виде принятия пакета конституционных изменений, превративших Украину из президентско-парламентской в парламентско-президентскую республику. Противостояние по линии президент-правительство-парламент превратилось в замкнутый круг, что и заставило в 2010 г. вернуться к норме, которая с точки зрения транзитологии является наиболее оптимальной для эффективного проведения дальнейшего курса на демократизацию, а именно: возврат к Конституции 1996 г. и усиление президентской власти. Вот как описывает этот период один из академиков: «Дежавю централизации (2010–2013 гг.). Усилились... тенденции к концентрации и централизации власти, в результате чего большинство территориальных общин оказались несостоятельными выполнять свои полномочия. Свыше 70% местных бюджетов стали дотационными, а около 10% – почти полностью (на 90%) содержались из средств центрального бюджета. ... углубился кризис еще и муниципальной инфраструктуры, возникали угрозы техногенных катастроф в сетях жилищно-коммунального хозяйства. Однако вместо реальных действий всё ограничивалось декларациями. ... Постоянно утверждались законы, которые существенно ограничивали права органов местного самоуправления... Постоянно усиливались тенденции к концентрации и централизации полномочий в министерствах и ведомствах» [3, с. 222].

Поскольку «дисфункциональная» демократия не создаёт механизмов неизменности демократического выбора, то при стечении разных обстоятельств смена правительства может обернуться как транзитом к консолидированной демократии, так и к «авторитарной модернизации».

В 2011 г. возникла «точка бифуркации», и перспектива демократической перезагрузки была возможна на пути конституционных реформ. И такие попытки имели место – первый месседж о необходимости нового этапа правовой и конституционной реформы был сделан в Послании Президента В. Януковича к украинскому народу «Украина XXI столетия. Стратегия реформ и общественной консолидации» (июнь 2010 г.). Авторами текста послания в идею «республиканизма» был вложен тезис «возвращение к реальному народовластию и сбалансированию полномочий ветвей власти», заявлено о необходимости реформирования судопроизводства. Второй раз к проблеме конституционной реформы В. Янукович обратился в начале 2011 г., когда поддержал предложение о проведении Конституционной ассамблеи Украины. Целью работы ассамблеи должно стать: «формирование сбалансированной системы представительной демократии европейского образца, укрепление парламентаризма, построение эффективной исполнительной вертикали власти, создание действующих механизмов прямой демократии». Шагами конституционно-правовой реформы должна стать модернизация института выборов, а также проведе-

ние истинной судебной-правовой реформы, предметом конституционной модернизации должны также стать местное самоуправление, территориальная организация, административная реформа. Возлагались надежды и на внешнюю поддержку, поскольку, как считалось, существовал не благоприятный для консолидации сил авторитаризма международный контекст. Украина достаточно интегрирована в разные международные, в частности европейские, организации, достаточно открыта для диффузии европейских идей и практик и, соответственно, для их постепенного усвоения [10].

Однако в ситуации кризиса одновременно стала формироваться и другая повестка событий. Система «олигархического консенсуса», лежащая в основе политической стабильности страны, была нарушена. В 2010–2012 гг. получил развитие механизм экономической монополизации, который требовал обеспечения в виде политических шагов в направлении сворачивания демократических практик. Как результат, социальные, политические и экономические конфликты были вытеснены за пределы институтов политико-правового общения. Возникла повестка прямого силового противостояния власти и тех сил, которые не имели представленности своих интересов в системе институционального общения. Эта повестка носила революционный характер, поскольку провозглашала разрушение институтов политико-правового общения страны и создание впоследствии новых. Концепт реформ стал трактоваться одними силами в этом смысле, другие же истолковывали его по-прежнему, как защиту и развитие имеющихся институтов.

Четвертый период начался в 2014 г. и связан с выходом нового политического поколения на арену формирования актуальных социальных процессов, сформировавшего повестку «революционной демократии». Мы оставляем за границами нашего рассмотрения действие внешних факторов и игроков, поскольку в данном случае рассматриваем формирование внутренней логики восприятия идеи демократии, которая опирается на динамику развития политических процессов в стране.

Список использованной литературы

1. Thomas Carothers. Revising the Transition Paradigm. URL: <http://www.journalofdemocracy.org/articles/gratis/Carothers-13-1.pdf>.
2. Василь Стус про соціалізм. URL: <http://kazak-nation.livejournal.com/370230.html>.
3. Гайдучький П. І. НеЗабуті реформи в Україні. 1991–2017. Київ : ТОВ «ДКС-центр», 2017. 852 с.
4. Евстратий Зоря. Украинская демократия напоминает культ Карго. URL: http://zik.ua/ru/news/2017/07/21/ukraynskaya_demokratyya_napomynaet_kult_kargo__evstratyy_zorya_1136581.
5. Единбурзький погляд на історію демократії від давніх часів до майбутніх можливостей / за ред. Б. Айзехена та С. Стоквелла ; пер. з англ. Харків : Фоліо, 2016. 624 с.
6. Особливості становлення демократії та впровадження демократичних цінностей в Україні й світі. URL: <http://veche.kiev.ua/journal/2183/>

7. Основы казацкой демократии. URL: <http://v-karpatah.ru/karpaty/velikie-sobytiya-v-istorii-kozackoi-ukrainy/osnovy-kazackoi-demokratii/>
8. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине. URL: http://www.igpi.ru/monitoring/ukraine/new_ukr/revolution/1118840376.html.
9. Петрик С. В Украине от демократии до диктатуры один шаг. Многие его одобряют! 29 июля 2016 г. URL: <https://www.segodnya.ua/opinion/petrykcolumn/v-ukraine-ot-demokratii-do-diktatury-odin-shag-mnogie-ego-odobryat--738023.html>.
10. Рябчук Н. Украинская трансформация: между демократией и авторитаризмом. URL: <http://www.bigyalta.com.ua/story/7228>.
11. Фисун А. А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации : монография. Харьков : Константа, 2006. 352 с.
12. Украина – в рейтинге развития демократии: прогресс скромный. 2017. 4 апреля. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/tb-ukraine-freedom-house-nations-in-transit-rating/3795993.html>.
13. Шульга А. Что мешает украинской демократии. 2016. 3 сентября. URL: <https://zn.ua/SOCIUM/chto-meshaet-ukrainskoy-demokratii-.html?action=sort&sort=popular&slice=0&limit=20>.

Стаття надійшла до редакції 15.11.2017.

Щербина В. М. Ідея демократії в історичних трансформаціях багатокладного суспільства України

У статті розглянуто проблему соціально-історичних чинників трансформації сприйняття, розуміння й концептуалізації ідеї демократії в українському суспільстві. Серед чинників виділено сукупність культурно-історичних уявлень про історію українського суспільства, присутніх у масовій свідомості, і тих, що впливають на характер концептуалізації ідеї демократії. Проаналізовано уявлення про демократію як автономну рису українського народу з давніх часів, уявлення про демократію як таку, що впливає на формування державності в ХХ ст., уявлення про демократію як складову соціально-політичних трансформацій періоду переходу до незалежності. Зроблено висновки про те, що на той період ідея демократії виконувала ряд соціальних функцій: була образом майбутнього, інструментом соціальної уяви, основою суспільного консенсусу й ідеєю різнорідних соціальних суб'єктів, що домінувала. Українське суспільство змінилося: в умовах демократичного транзиту сформувалося нове покоління соціальних акторів, яке по-новому сприймає ідею демократії. У світоглядних горизонтах різних соціальних устроїв ідея демократії сприймається масовою свідомістю по-різному. Це передбачає необхідність формування нового соціального механізму для досягнення громадської згоди щодо її необхідності в громадських практиках. Ідея демократії в умовах зміни поколінь набуває нового прочитання: виникають як її нові прибічники, так і її нові супротивники. Зроблено висновок про те, що історичні трансформації останнього періоду передбачають нове прочитання ідеї демократії відповідно до необхідності організації широкого громадського діалогу в умовах українського суспільства, що змінилося.

Ключові слова: ідея демократії, суспільство, трансформація громадських уявлень, трансформація суспільства, культурні устрої, демократичний транзит.

Shcherbina V. An Idea of Democracy is in Historical Transformations Multicultural Mode Society of Ukraine

The problem of socially-historical factors of transformation of perception, understanding and conceptualisation of idea of democracy in Ukrainian society is examined in the article. Among factors an author distinguishes totality in a civilized manner historical ideas about history of Ukrainian society, present person in mass consciousness and

influencing on character of conceptualisation of idea of democracy. An author analyses ideas about democracy as indigenous line of the Ukrainian people from ancient times, idea about democracy as making forming of the state system in XX of item, idea about democracy as constituent of socio-political transformations of period of passing to independence. In the article drawn conclusion that on a that period the idea of democracy executed the row of social functions – became character of the future, instrument of social imagination, basis of public consensus and dominant idea of heterogeneous social subjects. Ukrainian society changed – in the conditions of democratic transit the new generation of social actors, that perceives the idea of democracy newly, was formed. In world view horizons of the different social modes the idea of democracy is perceived by mass consciousness by different character. It envisages the necessity of forming of new social mechanism for the achievement of public consent in relation to her necessity for public practices. The idea of democracy in the conditions of digenesis finds the new reading – there are both her new followers and her new opponents. An author draws conclusion that historical transformations of the last period envisage the new reading of idea of democracy in accordance with the necessity of organization of wide public dialogue in the conditions of changing Ukrainian society.

Key words: *idea of democracy, society, transformation of public presentations, transformation of society, cultural modes, democratic transit.*